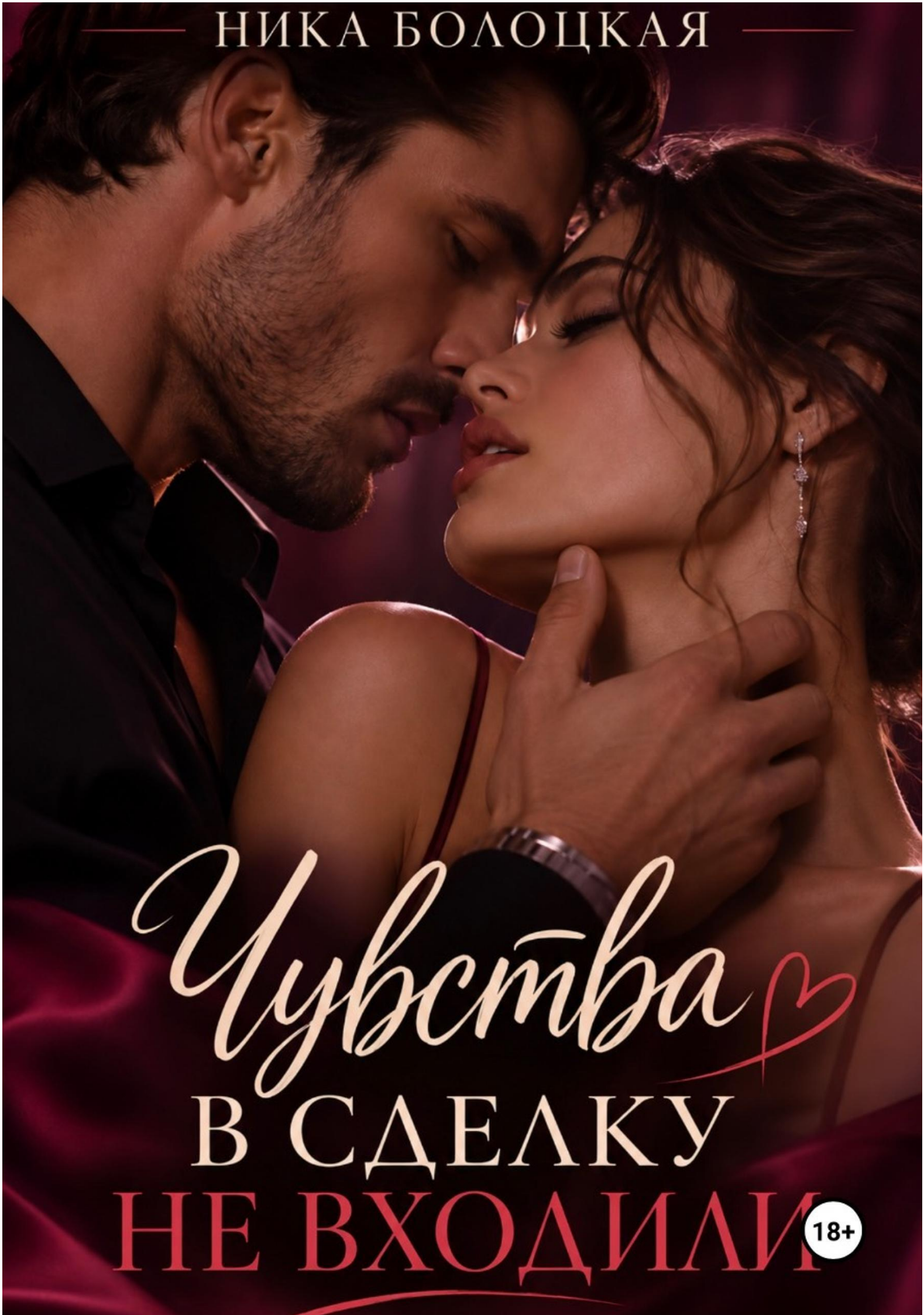
НИКА БОЛОЦКАЯ



Чувства в сделку не входили

18+

Ника Болоцкая

Чувства в сделку не входили

«Автор»
2026

Болоцкая Н.

Чувства в сделку не входили / Н. Болоцкая — «Автор», 2026

Три недели притворяться его невестой. Никаких чувств. Никаких обязательств. Только деньги.После измены бывшего жениха и долгов на три миллиона предложение Марка Воронцова показалось мне спасением.Богатый, красивый, самоуверенный до невозможности. Мужчина, которому проще купить чужое согласие, чем признать собственную ошибку.Я согласилась. Ведь это всего лишь сделка.Только никто не предупредил, что этот невыносимый человек будет так целоваться. Что от его прикосновений у меня начнут путаться мысли. И что однажды я сама захочу остаться в его постели.Мы ссорились, ревновали, сводили друг друга с ума. А потом я совершила самую большую глупость в своей жизни.Влюбилась.И именно тогда узнала, что Марк с самого начала скрывал правду о моём прошлом.Теперь три недели закончились. Деньги получены. Договор расторгнут.Только как разорвать то, чего в договоре вообще не было?

© Болоцкая Н., 2026
© Автор, 2026

Ника Болоцкая
Чувства в сделку не входили

Глава 1. Тариф «Невеста»

В девять семнадцать утра мне позвонил мужчина, которому я задолжала три миллиона двести сорок тысяч рублей.

Не лично ему, разумеется. В таком случае было бы проще: можно было бы пообещать продать почку, а потом не брать трубку. Деньги я задолжала банку, арендодателю, двум подрядчикам и людям, которые продолжали работать в моём агентстве, хотя им давно следовало уйти туда, где зарплату перечисляют без драматургических пауз.

Мужчину звали Денис. До недавнего времени он называл меня любимой, а ещё раньше — единственной. Теперь он представлял интересы компании, от которой я требовала вернуть аванс за отменённое мероприятие. Никакой романтики. Даже голос стал другим: сухим, деловым, со скучающими интонациями человека, который уже мысленно потратил чужие деньги.

— Алиса, не заставляй меня повторять. Подряд был заключён с юридическим лицом. Твои личные обстоятельства к нему отношения не имеют.

— А у тебя они имеют? — спросила я. — Ты же лично вывел деньги с нашего общего счёта.

— Опять начинается.

Он всегда говорил это так, словно у меня был неприятный обычай напоминать о мелочах. Например, о трёх миллионах.

— Ты подписывал платёжки, Денис.

— Потому что ты попросила меня заниматься финансами.

Это было правдой. В январе я лежала с пневмонией, и Денис предложил помочь. В феврале я узнала, что помощь обходится дороже болезни. К марту выяснилось, что фирма, на счёт которой он переводил деньги за «техническое сопровождение», зарегистрирована на его двоюродного брата. В апреле Денис исчез из моей квартиры. В мае у меня закончились убедительные ответы на вопросы сотрудников.

Сейчас был июнь.

— Деньги придут по решению суда, — сказала я. — Или раньше, если ты внезапно вспомнишь, что у тебя есть совесть.

— Ты же понимаешь, сколько длится суд?

— Я уже поняла, что этот разговор может длиться вечно.

Я отключилась, пока он не успел назвать меня истеричкой. Раньше именно этим словом заканчивались все разговоры, в которых у него кончались аргументы.

В офисе было тихо. Кондиционер капал на подоконник, принтер показывал ошибку, а на стене висели фотографии чужих счастливых дней: свадьбы, открытия, юбилеи. На одном снимке молодожёны смеялись под дождём конфетти. На другом женщина лет шестидесяти обнимала сына, который привёз её на сцену в инвалидном кресле, и плакала так, что у меня до сих пор першило в горле, стоило вспомнить тот вечер.

За семь лет я научилась делать людям праздники. Свою жизнь организовывала гораздо хуже.

— Ты ещё здесь? — спросила Оля, моя менеджер, появившись с бумажным стаканчиком кофе. — Я думала, поедешь в банк.

— Банк хочет денег. У меня их нет. Зачем зря нервировать кассира?

— Есть хорошие новости.

Я посмотрела на неё поверх экрана.

— Ты выиграла миллион?

— Нет. Зато у нас новый запрос.

Оля положила на стол листок с фамилией и телефоном.

«Воронцов. Частное мероприятие. Срочно».

— Что за мероприятие?

— Не говорит. Просил лично тебя. Предоплата стопроцентная, бюджет обсуждается.

— Сто процентов? — Я впервые за утро выпрямилась. — Надеюсь, это не похороны конкурента.

— По голосу похоже, что человек готов заказать собственные. Но номер приличный, корпоративный. Я проверила компанию.

С фамилией Воронцов я была знакома. Холдинг «Северные линии» занимался строительством, гостиницами и скупкой всего, что имело удачное расположение. Марк Воронцов иногда появлялся на деловых фотографиях: безупречный костюм, тяжёлый взгляд, улыбка по графику. Четыре года назад мы организовывали благотворительный приём для одного из фондов, который он финансировал. Самого его тогда почти не видели. Приехал к концу, сказал пять слов, оплатил счета без торга и исчез.

Я любила таких клиентов. Они не просили одновременно «строго и весело», «дорого, но сэкономить» и «чтобы у гостей текли слёзы, только без сентиментальности».

— На какое время встреча?

— На десять.

— Оля.

— Я сказала, что ты занята до одиннадцати. Он ответил, что приедет в десять и подождёт.

— Наглец.

— С деньгами, — уточнила Оля.

Это обстоятельство в нынешнем положении значительно смягчало нравственные оценки.

Марк Воронцов появился без пяти десять. Не вошёл, а как будто занял помещение: высокий, темноволосый, с несколькими седыми прядями у висков, в рубашке без галстука. Не улыбнулся фотографиям на стенах, не оглядел мебель, не стал спрашивать, можно ли кофе. Снял часы, положил их рядом с телефоном и сел напротив меня.

Он выглядел человеком, который привык, что его слушают. Я, как назло, привыкла спрашивать, чего он хочет.

— Марк Андреевич, — начала я, — если вас интересует закрытое мероприятие, нам понадобится дата, площадка и примерное количество гостей.

— Меня интересует услуга, которой нет в вашем прайсе.

— Мы гибкие. В разумных пределах.

— Мне нужна невеста.

Я покосилась на стакан с водой. Неужели там было что-то покрепче, а я пропустила?

— Мы организуем свадьбы, — сказала я. — Невестами не торгуем. Это у вас в другом отделе.

— Я не прошу вас искать мне невесту. Мне нужна женщина, которая три недели будет ею представляться.

— Вы ошиблись дверью.

— Нет, — сказал он. — Я изучил ваш опыт.

— И пришли к выводу, что я профессионально вру людям?

— Вы умеете быстро находить общий язык с незнакомыми, не теряться в сложных обстоятельствах и работать с семьёй, где каждый хочет своего.

— Это вы сейчас перечисляете мои качества или предупреждаете о своих родственниках?

У него шевельнулся уголок рта. Улыбкой это назвать было бы слишком щедро.

— И то и другое.

Он открыл тонкую папку. Я уже ненавидела эту папку. В ней определённо лежало что-то, после чего обычная среда не обещала ничего хорошего.

— Через двадцать один день закончится череда семейных мероприятий: юбилей матери, свадьба сестры и приём к тридцатилетию компании. Родные уверены, что у меня есть невеста и осенью будет свадьба. Я сам сказал матери, что помолвлен. Хотя никакой помолвки не было.

— Сочувствую.

— Не стоит.

— Не собиралась. Это деловой рефлекс.

Я подалась вперёд.

— Почему не сказать, что помолвку вы выдумали?

Марк нахмурился. Кажется, я спросила именно то, что он собирался обойти стороной.

— Вы не знаете мою семью.

— Надеюсь, мне повезёт и не узнаю.

— Моей матери через неделю семьдесят. После смерти отца она цепляется за семейные праздники. Сестра выходит замуж второй раз, у неё и без меня истерика через день. Мать уже обзвонила родственников, сообщила про мою будущую свадьбу. Я собирался всё объяснить, потом перенёс разговор. Теперь любая правда прозвучит как публичное унижение матери.

— Значит, вы хотите купить себе тишину.

— В какой-то степени.

— А вы пробовали просто не отвечать на вопросы?

— Я не привык отчитываться перед родными. И выслушивать их советы тоже не собираюсь.

— Тогда объясните, какую легенду придумали для своей семьи. Если я там запутаюсь, вы первый же меня и обвините.

Он помолчал. Я заметила тонкий белый шрам у него на подбородке. Неровный, старый, совершенно не подходящий к аккуратному лицу. Зачем-то захотелось узнать, откуда он.

— Мне необходима ваша помощь, — произнёс Марк медленно, словно слово «помощь» было ему не по размеру.

В другой день я вежливо предложила бы обратиться к актрисе. В этот день под столом лежала папка с письмами от кредиторов. Наверное, Марк не случайно выбрал именно меня. И эта мысль мне не понравилась.

— Сколько? — спросила я.

Он назвал сумму.

Я пересчитала нули. Потом ещё раз. В ушах звенело, а в голове уже выстраивалась очередь из людей, которым я могла бы наконец заплатить.

— Это за три недели? — уточнила я.

— Да.

— Вы всегда так дорого оцениваете своё общество?

— Только когда человек собирается отказать.

Я встала, подошла к окну и посмотрела вниз. У подъезда курьер ругался с водителем такси. Женщина в красном платье ела мороженое, стоя под вывеской аптеки. Никто не знал, что в маленьком офисе на четвёртом этаже совершенно посторонний человек предложил купить три недели моей жизни.

— У меня есть условия, — сказала я.

— Разумеется.

— Первое: никакого физического контакта без моего согласия. Даже если вам покажется, что это помогает убедительности.

— Согласен.

— Второе: вы не вмешиваетесь в мою работу, мои деньги, моих друзей и моё прошлое.

— Согласен.

— Третье: если кто-то из ваших родственников ведёт себя со мной как последняя сволочь, я имею право уйти.

— Полагаю, формулировку можно сделать юридически точнее.

— Полагаю, ваши родственники помогут нам с примерами.

Он опустил взгляд на папку, и я увидела, как у него дёрнулся уголок рта.

— И четвёртое, — добавила я. — Никаких внезапных признаний. Вы не выясняете, почему у меня сорвалась свадьба. Я не выясняю, почему у вас сорвалась. Через двадцать один день всё заканчивается. Без воспоминаний, без подарков и без попыток остаться друзьями.

— Логично.

— Не торопитесь радоваться. Я ещё не согласилась.

— Я заметил.

Марк собрал бумаги, но не встал.

— Могу я задать один личный вопрос?

— Вы уже нарушаете второе условие.

— Оно пока не действует.

— Предприимчиво.

Он посмотрел прямо на меня.

— У вас действительно есть причина принять это предложение? Или вы просто любите сложные задачи?

Я сжала пальцы под столом. Так вот зачем он запросил данные по агентству.

— Вы изучили моё агентство, — сказала я. — А заодно мои долги?

— Только открытую информацию.

— Удобное выражение. Особенно когда у человека почти ничего не осталось закрытым.

— Я не собираюсь вас унижать, Алиса.

— Тогда не делайте вид, что пришли ко мне случайно.

Он не отвёл глаз.

— Я пришёл потому, что вы справитесь с этой ролью. Ваши финансовые обстоятельства объясняют, почему вы можете согласиться. Это не одно и то же.

Слова были неприятные. Ещё неприятнее было то, что в них имелся смысл.

— Оставьте договор, — сказала я. — Я прочитаю. А потом выслушаю всё, чего вы мне сейчас не рассказали.

Марк поднялся. Он был достаточно близко, чтобы я уловила запах дождя на его куртке и чего-то терпкого, древесного. Ни один запах не должен был меня интересовать. Тем более запах человека, который за пятнадцать минут превратил мой день в юридический казус.

У самой двери он остановился.

— Кстати, — сказал он. — Моя мать зовёт меня Мариком.

— Это важная информация?

— Она будет звать вас Алисочкой. Лучше подготовиться.

Я смотрела ему вслед. Потом открыла папку.

На первой странице крупным шрифтом стояло: «Соглашение об оказании представительских услуг».

На последней, среди сухих пунктов об обязанностях и конфиденциальности, была сумма, способная спасти моё агентство.

Я долго смотрела на неё.

А потом мне позвонила Оля и спросила, не забыла ли я заказать новые картриджи для принтера.

Я ответила Оле, что картриджи пока не куплены. Нажала «отправить», уронила телефон на стол и вдруг разревелась. Не из-за Воронцова. Из-за проклятого принтера, зарплат и того,

что у меня второй месяц не было сил купить себе новые кроссовки. Через минуту пришло сообщение от Оли: «Картриджи закажу сама. И поешь хоть что-нибудь».

Глава 2. Чужая фамилия

После ухода Воронцова я два часа читала договор. Очень вежливая бумага. Прямо хочется поблагодарить человека, который придумал брать деньги за семейное враньё.

Никаких незаконных условий там не было. Никакой регистрации брака, никакого права выдавать меня за супругу в официальных бумагах. Двадцать один день представительского сопровождения на частных мероприятиях, конфиденциальность, компенсация расходов, право досрочного расторжения без штрафа с моей стороны. С юридической точки зрения я должна была быть не женой, а специалистом по созданию образа семейного благополучия.

Последние семь лет я зарабатывала именно этим. Просто обычно людям хватало цветов, хорошего света и музыки.

— Ты можешь повторить? — спросила Оля, когда я всё рассказала.

Мы закрыли дверь переговорной. Оля сидела напротив, обняв кружку с кофе. У неё была манера, когда она нервничала, постукивать ногтем по чашке. Сейчас чашке явно грозили сколы.

— Он хочет, чтобы я изображала его невесту.

— Я услышала с первого раза. Я прошу повторить, потому что мозг отказывается принимать информацию в рабочем порядке.

— Понимаю.

— И ты думаешь согласиться?

Я подвинула ей договор. Она прочла цифру, подняла голову и ещё раз прочла цифру. Потом очень аккуратно поставила кружку на стол.

— Когда знакомить с родственниками? — спросила она.

Я засмеялась так внезапно, что едва не расплакалась. Оля протянула мне бумажную салфетку и сделала вид, что не заметила, для чего именно она понадобилась.

— Слушай, — сказала она уже серьёзно. — Ты понимаешь, что происходит? Он приходит к женщине, которую обманул жених, и предлагает ей снова участвовать в чужой лжи. За очень хорошие деньги. А потом исчезнет. Ты это выдержишь?

— Я не собираюсь его любить.

— Я вообще не об этом.

Вот за это я её и любила. Оля никогда не путала мораль с театральными эффектами.

— Мне нужно выплатить зарплату до пятницы, — сказала я. — И вернуть аренду. И закрыть долг «СветоЛабу», иначе они не отдадут нам оборудование для следующего заказа. Мы уже на три недели просрочили расчёт.

— Ты говоришь так, словно за тебя всё решено.

— Я говорю так, потому что счета не исчезнут, если мы будем молча на них смотреть.

Она опустила глаза.

— Я могу уйти на полставки. Возьму фриланс.

— Нет.

— Алиса.

— Ты работала со мной, когда у нас было десять клиентов в год и мы таскали столы сами. Не надо теперь предлагать мне платить за мои ошибки твоей жизнью.

— Это не только твои ошибки. Денис…

— Денис сволочь. Я была его партнёром по бизнесу и трижды не проверила документы. Одна вещь не отменяет другую.

Оля хотела возразить, но телефон у меня завибрировал. На экране высветился неизвестный номер.

— Алиса Крылова? — спросил женский голос, спокойный и ясный.

— Да.

— Это Елена Викторовна Воронцова. Марк сказал, что вы завтра заедете на чай.

Я посмотрела на Олю. Оля сделала страшные глаза.

— Он что сказал?

— Что вы очень заняты и не любите формальностей. Признаться, уже за это я готова вас обнять. Мой сын сам состоит из формальностей, а последние несколько лет ещё и научился ими питаться.

Голос у женщины был приятный, с лёгкой хрипотцой. Она говорила быстро и будто заранее не сомневалась, что ей рады.

— Простите, Елена Викторовна, — сказала я. — Марк, вероятно, немного поторопился.

Пауза вышла короткой. Но я успела представить, как на другом конце линии женщине становится неловко.

— Господи, — сказала она. — Он опять всё испортил?

— Нет. Мы просто ещё обсуждаем расписание.

— Разумеется. Завтра не получится — ничего страшного. Скажите ему, что я умею ждать. Иногда. В детстве он любил прятаться в кладовке, когда хотел побыть один. Теперь купил огромный дом. Прогресс есть, но сомнительный.

Я улыбнулась прежде, чем успела себя остановить.

— Я передам.

— Буду рада знакомству, Алиса. Если вы действительно та женщина, рядом с которой он иногда смеётся, я вам заранее благодарна.

Она отключилась.

Я долго держала телефон у уха. Елена Викторовна не знала, что никакой женщины, рядом с которой её сын смеётся, нет. И уже надеялась на меня. Самое мерзкое в этом предложении внезапно оказалось не враньём. А тем, что хорошего человека заставят поверить в него.

— Ну? — спросила Оля.

— Его мать. Пригласила на чай.

— Приятная?

— Да.

— Вот чёрт.

— Вот именно.

В пять вечера я поехала в офис независимого юриста. Моя знакомая по институту, Лера, теперь специализировалась на договорах и разводах. При виде бумаги она хмыкнула.

— Ты решила выйти замуж на аутсорсе?

— Слушай, мне нужна юридическая оценка, не актёрская.

— Тогда слушай. По формальным условиям это договор услуг. Он не может обязывать тебя изображать юридический статус в официальных документах. И я бы добавила запрет на использование твоего имени в рекламе, публикациях и пресс-релизах. Ещё нужно прописать, кто отвечает, если тебя сфотографируют и фотографии разойдутся. Ты не обязана отвечать за чужую репутацию собственной.

— Уже лучше. А что с оплатой?

— Пятьдесят процентов до начала, остальное по окончании. И не соглашайся на штрафы за «неубедительное исполнение роли». Такое у них здесь есть в общих положениях, я бы вычеркнула. Ты не обязана выглядеть счастливой по требованию клиента.

Лера отложила страницы.

— Алиса, а ты сама как?

Я пожала плечами.

— С чего вдруг ты спрашиваешь?

— Ты принесла договор на три недели чужой помолвки, — сказала Лера. — А у тебя ещё свой бывший с финансовыми фокусами. Я подумала, у тебя новый способ добить нервную систему.

— Очень деликатно.

— Я юрист, а не священник.

Я рассказала ей про Дениса. Чуть подробнее, чем собиралась. Она не перебивала. Только один раз спросила фамилию двоюродного брата, и записала её на полях блокнота.

— Мы подадим заявление по факту вывода средств, — сказала она. — Помимо гражданского иска. Там есть основания проверить документы. Но быстрой победы я не обещаю.

— Мне и не нужна победа за неделю.

— Тебе нужно не умереть до решения суда.

— Это уже ближе к плану.

На выходе я получила сообщение от Марка: «Готов обсудить ваши изменения. Завтра в 9:00?»

Я написала: «Сначала уточнение. Ваша мать считает, что мы давно вместе. Кто ещё знает о нашей якобы большой любви?»

Ответ пришёл почти сразу: «Сестра. Тётя. Ещё несколько человек».

«Сколько?»

Десять секунд тишины.

«Зависит от того, кого считать семьёй».

Я стояла у светофора и смеялась, пока рядом пожилая женщина не посмотрела на меня с опаской.

«Марк Андреевич, вы очень плохо понимаете слово “несколько”».

«Мы можем поговорить?»

Я набрала: «Можем. Но есть новая ставка».

«Какая?»

«Вы перестаёте решать за меня. Вообще. Или идёте к семье один и объясняете, куда делась ваша прекрасная невеста».

Я уже собиралась убрать телефон, когда пришло следующее сообщение.

«Справедливо. Извините за звонок матери. Я не знал, что она вам позвонит».

Мне захотелось проверить, не использовал ли он чужой телефон. Человек, способный извиниться без фразы «но ты тоже», после Дениса казался редким природным явлением.

Дома было пусто. На вешалке всё ещё висела мужская куртка, которую Денис забыл в последний вечер. Я несколько раз собиралась выбросить её и каждый раз откладывала. Не потому, что хотела вернуть его. Просто вынести одну куртку оказалось труднее, чем заменить замки, переписать счета и объяснить сотрудникам, куда пропали деньги.

Я сняла вещь с крючка, сложила в пакет и поставила у входной двери. Потом открыла ноутбук.

В договоре я вычеркнула два абзаца, добавила четыре собственных условия и поставила подпись только под сопроводительным письмом.

«Готова обсудить. Не принимать. Обсудить», — написала я Марку.

Он ответил спустя минуту: «Я понял разницу».

Я закрыла ноутбук и пошла принимать душ. Вода была горячая, почти обжигающая. Я стояла под ней, пока зеркало не запотело, и думала о том, как странно устроена жизнь: вчера я боялась потерять офис, завтра собиралась торговаться о цене собственного присутствия за чужим семейным столом.

А самым страшным почему-то оставалось не это.

Самым страшным было то, что мне ужасно хотелось хоть раз оказаться рядом с мужчиной, которому не нужно объяснять, почему моё «нет» что-нибудь значит.

Глава 3. Репетиция

— Вы слишком часто говорите «согласен», — сказала я.

Марк ждал у окна переговорной с исправленным договором в руках. Приехал без помощника и принёс два стаканчика кофе. Один молча поставил передо мной. Угадайте, с каким сиропом.

— Вы же хотите, чтобы я согласился с поправками.

— Хочу. Но я начинаю подозревать, что вы просто терпеливо ждёте, когда я перестану говорить.

— Ваша подруга-юрист хорошо работает.

— Вы видели Леру?

— Её имя стоит в комментариях.

— И что?

— Ничего. Хорошо работает.

Он вернулся к столу и сел напротив. Я решила не сообщать ему, что такой способ вести переговоры действует на меня сильнее, чем агрессивная уверенность.

— Первая половина суммы до начала, — сказал он. — Вторая в течение суток после последнего мероприятия. Дополнительные расходы оплачиваю я. Отменить участие вы можете в любой момент. За уже оказанные услуги сохраняете пропорциональную часть оплаты.

— И никаких фотографий в прессе.

— Я не могу запретить людям фотографировать нас на публичных мероприятиях. Но обязуюсь не передавать изображения для публикаций и помогать с удалением, если они будут размещены вопреки вашему согласию.

— Это звучит подозрительно разумно.

— Я стараюсь.

Мы просидели ещё час, уточняя детали. Я спрашивала про родственников, их привычки, старые обиды, запретные темы. Марк отвечал коротко и, как выяснилось, гораздо менее точно, чем сам о себе думал.

— Ваша сестра любит цветы?

— Наверное.

— Какие?

— Разные.

— Её жениха как зовут?

— Артём.

— Уверены?

— Алиса.

— Проверяю базовые знания, Марк Андреевич. Семья, между прочим, ваша.

Он сделал пометку в блокноте.

— Сестру зовут Полина. Она ненавидит лилии, потому что отец однажды назвал её букет похоронным. Любит пионы. Жених — Артём, работает архитектором, коллекционирует старые часы, у него смешная собака с одним ухом. Собаку зовут Плюшка.

Я приподняла бровь.

— А вы не так уж безнадёжны.

— Я просто не привык сдавать устные экзамены.

— Придётся. У вас семейный билет в один конец.

Он вдруг засмеялся. Тихо, коротко, словно звук получился случайно. И тут же посмотрел на меня так, будто я подсмотрела что-то личное.

Я отвернулась к витрине. Ещё не хватало улыбаться ему в ответ посреди этой дурацкой репетиции.

В полдень мы поехали к его сестре. Марк предупредил её, что у нас «свободный день», и предложил встретиться за обедом в маленьком ресторане недалеко от Чистых прудов. Перед входом он остановился.

— Надо определиться с деталями, — сказал он.

— У нас целая папка деталей.

— Как давно мы вместе?

— Месяцев восемь, — предложила я. — Достаточно, чтобы всё выглядело серьёзно, и недостаточно, чтобы ваша сестра требовала фотографии каждого отпуска.

— Семь месяцев, — сказал он.

— Почему так точно?

— Полина помнит, когда мы разошлись с Катей. Год назад.

Я уставилась на него.

— С Катей?

— Екатериной. Моей бывшей невестой.

— Сначала Катя, теперь выдуманная помолвка. У вас жених по подписке?

— Это сложно.

— Надеюсь. Потому что пока звучит отвратительно просто.

Он прижался спиной к стене, пропуская двух людей с пакетами. Я оказалась слишком близко. Край его рукава мазнул мне по запястью, и я разозлилась на собственную глупую реакцию.

— Прикосновения без разрешения запрещены.

Он тут же отступил ещё на полшага.

— Простите.

— Я не…

Слова застряли. Я не собиралась извиняться за собственное условие. Но и он ничего не сделал, кроме того, что уступил дорогу прохожим.

— Пойдёмте, — сказала я.

Полина оказалась совсем не похожа на брата. Светлая, взъерошенная, в ярко-синем платье и с огромными серьгами в форме рыб. Она влетела к нам от дальнего столика, обняла Марка, потом меня, не спросив разрешения, и сразу заговорила.

— Ну наконец-то! Я уже думала, он вас выдумал. Алиса, вы настоящая?

— Пока да.

— Замечательно. Марк, отойди, пожалуйста. Мне нужно посмотреть на женщину, которая добровольно согласилась тебя терпеть.

Марк обречённо вздохнул и отправился разговаривать с официантом. Полина уселась напротив, подперла подбородок рукой.

— Я серьёзно, — сказала она. — У тебя есть какие-нибудь специальные методы? Он в восемнадцать лет переставил дома мебель по схеме пожарной эвакуации.

— Полина, — предупредил брат, возвращаясь.

— А что? Это был твой первый любовный язык. «Я организовал тебе безопасный выход».

Я не удержалась и рассмеялась. Полина посмотрела на меня с неподдельным удовольствием.

— Марк говорит, вы занимаетесь мероприятиями. Боже, как вовремя! У меня свадьба через две недели, и организатор, кажется, меня ненавидит. Он сегодня назвал моё желание заменить белые скатерти на зелёные «системным разрушением концепции».

— А вы зачем хотите их заменить? — спросила я.

— Мама говорит, белое торжественнее. Но мне кажется, мы будем есть на больничных простынях.

— Значит, нужны зелёные. Неважно, что скажет мама.

Полина замерла. Потом медленно повернулась к брату.

— Ты слышал? Она прекрасна.

— У неё профессиональный опыт, — сказал Марк.

— Зато у тебя профессиональный страх, что я изменю цвет скатертей.

Обед прошёл легко. Слишком легко. Полина рассказывала нелепые истории о детстве, Марк неохотно исправлял детали, а я ловила себя на том, что не играю роль. Мне было просто приятно сидеть с людьми, которые могут поддевать друг друга без намерения ранить.

Пока Полина не спросила:

— Алиса, а вы как познакомились?

На секунду всё стихло. Официант поставил передо мной тарелку. Марк потянулся за водой. Я услышала, как на соседнем столике звякнула ложка.

— На работе, — ответила я.

Это была правда. Очень маленькая и очень удобная.

— Марк был заказчиком, — добавила я. — Долго выбирал подрядчика. Удивительно долго для человека, который утверждает, что умеет принимать решения.

— Она сразу сказала, что я слишком много контролирую, — подхватил Марк.

— А вы что ответили?

— Что она ошибается.

— Через сколько минут понял, что нет? — спросила Полина.

— Через три, — сказал он.

Я повернула голову. Он смотрел на меня спокойно, но под столом его ладонь легла на край сиденья совсем близко к моей. Не коснулась. Не попросила подтверждения. Просто была там.

Три минуты. Именно столько прошло сегодня от моего первого замечания до его попытки перестать управлять каждым моим словом.

Мне вдруг стало не по себе от того, насколько легко мы начали придумывать общее прошлое из настоящих мелочей.

Когда Полина ушла звонить жениху, Марк проводил её взглядом.

— Вы хорошо справились.

— Давайте без служебных оценок, — сказала я. — Это не испытательный срок.

— Не хотел вас задеть.

— Тогда скажите что-нибудь нормальное. Например, что обед был приятным.

Он долго смотрел в окно.

— Обед был приятным, — произнёс наконец.

— Видите? Вы способны на человеческую речь.

— Иногда.

Мы вышли на улицу, где моросил дождь. Марк достал зонт, раскрыл его и держал немного выше моей головы. Его плечо тут же промокло.

— Вы можете подвинуться, — сказала я.

— Не хочу нарушать границы.

Я посмотрела на него. Потом на воду, которая текла по рукаву.

— Марк, — сказала я, — вы сейчас действительно собираетесь заболеть пневмонией ради соблюдения договора?

— Предпочитаю не рисковать.

— Подвиньтесь, — велела я.

Он подошёл ближе. У зонта было достаточно места для двоих, если не изображать из себя две несовместимые планеты.

Мы пошли к машине. Дождь шуршал над головой, город пах мокрым асфальтом и горячим хлебом из пекарни, мимо проезжали автобусы с запотевшими окнами. Марк рассказывал,

как Полина в детстве подожгла занавеску, пытаясь устроить дома театр теней. Я смеялась. Он тоже.

И никто не смотрел на нас. Ни родственники, ни фотографы, ни люди, ради которых всё затевалось.

Я вдруг представила, как всё выглядит со стороны: мужчина и женщина идут под одним зонтом и спорят о глупостях.

На мгновение мне захотелось не знать, что за это заплатили.

Глава 4. Цена правды

В четверг вечером Денис пришёл ко мне домой.

Он не звонил заранее. Не писал. Просто стоял у двери с тем самым лицом, которое я когда-то принимала за заботливое. В руках у него был пакет с едой из ресторана на углу.

— Привет, Лис.

Ненавижу, когда человек продолжает пользоваться чужой нежностью после того, как перестал её заслуживать.

— Ты ошибся адресом.

— Я привёз ужин. Давай поговорим нормально.

— Мы уже говорили. Через адвокатов продолжим.

Он наклонил голову, изображая усталую мудрость.

— Ты ничего не изменишь этим судом.

— Тогда тебе нечего бояться.

Я попыталась закрыть дверь, но он придержал её ладонью. Не сильно. Ровно настолько, чтобы мне пришлось сделать выбор: толкнуть его или отступить.

От этой маленькой привычки в груди стало холодно.

— Убери руку, — сказала я.

— Алиса, не будь ребёнком.

— Убери. Руку.

Он убрал. Посмотрел на меня почти с удивлением.

— Раньше с тобой можно было разговаривать.

— Раньше я верила, что ты тоже разговариваешь.

Я захлопнула дверь. Через минуту телефон завибрировал.

«Мы могли бы решить всё без скандала. Не заставляй меня делать неприятные вещи».

Я показала сообщение Лере. Та ответила мгновенно: «Не удаляй. Скриншот. Завтра поговорим».

В кухне лежал пакет с курткой Дениса. Я наконец вынесла его на лестничную площадку, поставила рядом с мусоропроводом и сразу забрала обратно. Не из сентиментальности. Там была дорогая вещь, за которую он потом непременно выставил бы счёт. Я сделала фотографию, отправила её Лере и написала: «Как вернуть чужую куртку так, чтобы не вступить в следующую мировую войну?»

Ответ пришёл: «Курьером. С описью. Добро пожаловать во взрослую жизнь».

Потом позвонил Марк.

— Алиса, вы свободны?

— Как посмотреть. Уголовно-процессуально пока да.

Он помолчал.

— Что произошло?

— Ничего. Что вам нужно?

— Завтра у матери ужин. Я хотел уточнить, как вы относитесь к рыбе. У неё талант кормить гостей чем-нибудь, что смотрело ей в глаза ещё час назад.

Я села на пол прямо у холодильника. И вдруг засмеялась. Нервно, нелепо, некрасиво. Слишком громко для пустой квартиры.

— Алиса?

— Простите. День идиотский.

— Я могу перезвонить.

— Не надо. Рыбу люблю. Главное, не заставляйте меня с ней знакомиться заранее.

— Договорились.

Я прислонилась затылком к шкафу. На другом конце линии было тихо. Марк не заполнял паузу дежурными вопросами, и я оказалась совершенно не готова к тому, что молчать с ним можно без тревоги.

— Вы дома? — спросил он спустя время.

— Да.

— Кто-то вас обидел?

Я зажмурилась.

— Это не ваше дело.

— Знаю.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что хочу знать, всё ли с вами в порядке. Это разные вещи.

Я открыла глаза. На дверце холодильника висел магнит с глупой надписью «Счастье любит тишину». Мы покупали его с Денисом в Сочи. Потом ссорились всю дорогу обратно из-за того, что я отказалась бросить работу и поехать с ним в командировку.

Я сняла магнит и положила на стол.

— Я справлюсь, — сказала я.

— Верю.

— Вот и прекрасно.

Он не отключался.

— Вы сейчас ждёте, что я скажу ещё что-нибудь? — спросила я.

— Нет. Думаю, предложить ли вам приехать и привезти ужин.

— Мы же договорились не смешивать работу с личным.

— Мы договорились не вмешиваться без разрешения. Я предлагаю. Вы можете отказаться.

Слова звучали обыкновенно. Наверное, поэтому я впервые за день захотела заплакать.

— Откажусь, — сказала я.

— Хорошо.

— И не надо потом исчезать с обиженным лицом.

— У меня такое лицо даже когда я доволен.

Я засмеялась снова. На этот раз нормально.

— До завтра, Марк.

— До завтра, Алиса.

После звонка я долго сидела на кухне, не включая свет. Я не знала, сколько в его внимании было привычной вежливости, сколько интереса и сколько обычного желания, чтобы сотрудница по контракту не вышла из строя в первый же день. И не собиралась выяснять.

Мне хватало одной правды: сегодня он услышал слово «нет» и не сделал из этого трагедию.

На следующий день мы ехали к Елене Викторовне. Марк управлял машиной сам, хотя обычно, как он рассказывал, пользовался водителем. В его салоне пахло кожей, кофе и чем-то едва заметно цитрусовым. На приборной панели не было ничего лишнего. Даже мелочь лежала в маленьком закрытом отсеке. Человек, который складывал монеты по местам, явно ещё не сталкивался с моей матерью: она могла найти беспорядок даже в банковском сейфе.

— Вы выглядите уставшей, — сказал он.

— Это потому, что я устала.

— Не обязаны сегодня ехать. Могу придумать причину.

Я повернулась к нему.

— Вы серьёзно?

— Да.

— То есть человек заплатил мне за три недели присутствия, а теперь предлагает не присутствовать?

— У вас по договору право отказаться от конкретного мероприятия. Я читал.

— Как приятно, что хоть кто-то читает договоры.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Это связано с вашим бывшим партнёром?

Я почувствовала знакомое желание уйти в оборону. Сжала ремешок сумки.

— Марк. Не надо.

Он кивнул и больше не спрашивал.

У дома его матери мы остановились на несколько минут. Двухэтажный особняк стоял в старом переулке, за невысокой оградой. Никаких колонн, золочёных ворот или статуй львов. Простая старая кладка, плющ на стене, окна с деревянными рамами. От этого дом казался ещё дороже.

— Мама любит говорить, что отец построил этот дом для неё, — сказал Марк. — На самом деле купил и три года ремонтировал. Она считала, что мы бедствуем, потому что он всё время продавал машины и занимал у друзей.

— Хорошо, что он хотя бы построил дом, а не купил ей титул.

Марк усмехнулся.

— Алиса, нам нужно обсудить одно обстоятельство.

Я напряглась.

— Надеюсь, не то, что ваша мать коллекционирует оружие.

— Катя будет на приёме в честь компании. Возможно, придёт и завтра. Она по-прежнему работает с нашим благотворительным фондом.

Я несколько секунд молчала.

— Ваша бывшая невеста будет смотреть, как вы представляете меня супругой?

— Да.

— И вы решили сообщить мне об этом в машине, за пять минут до знакомства с матерью?

— Я хотел сказать раньше.

— Как мило. А я хотела не попадать в идиотские ситуации. У обоих не вышло.

Марк остановил двигатель.

— Я должен был предупредить. Простите.

— Почему вы не сделали этого?

Он смотрел перед собой. Я видела, как напряглись пальцы на руле.

— Потому что боялся, что вы откажетесь.

Мне следовало оценить честность. Наверное. Но вместо благодарности внутри разлилась злость.

— Значит, вы решили, что моё согласие можно получить без полной информации. Очень удобно.

— Это была ошибка.

— Нет, Марк. Ошибка — забыть зонтик. Вы приняли решение за меня, прекрасно зная, что я этого не терплю.

Он ничего не ответил. И это молчание оказалось хуже спора. Я открыла дверь, вышла и вдохнула сырой вечерний воздух. Хотелось уехать на такси. Просто закрыть всё к чёртовой матери, вернуть аванс, продать оборудование, признать себя неудачницей. Но платить сотрудникам от этого никто не начал бы.

Марк подошёл и остановился в нескольких шагах.

— Мы можем уехать, — сказал он. — Я объясню матери, что встреча сорвалась по моей вине.

— Вы предлагаете мне выбрать, но делаете это после того, как выбор стал дороже.

Он медленно кивнул.

— Верно.

Я посмотрела на него. Он не пытался обнять меня, не рассказывал, что я всё неправильно поняла. Просто стоял у машины и выглядел человеком, которому не понравилось собственное отражение.

— Я сегодня войду в этот дом, — сказала я. — Не ради вас. Ради женщины, которая позвонила мне и почему-то сразу была со мной добра. Но после ужина мы вернёмся к разговору.

— Согласен.

— И перестаньте соглашаться так быстро. Начинает раздражать.

Он коротко выдохнул, почти смеясь.

У крыльца нас встретила Елена Викторовна. Она была невысокой, в светлом льняном платье и с очками на цепочке. Марка обняла так, будто не видела год, хотя он бывал здесь регулярно. Потом посмотрела на меня.

— Значит, вот вы какая, — сказала она.

— Какая? — спросила я, прежде чем успела придумать приветствие.

— Настоящая.

Она обняла меня крепко и тепло. Я почувствовала запах её духов, домашнего хлеба и чего-то цветочного. И вдруг ясно поняла: эта женщина не виновата, что её сын не умеет говорить правду.

— Проходите, девочки, — сказала Елена Викторовна.

— Мама, — произнёс Марк, — нас двое. Я тоже здесь.

— Тебя я уже тридцать девять лет вижу. Дай посмотреть на новое лицо.

Я зашла в дом вслед за ней. Марк задержался, закрывая дверь.

И впервые за два дня мне действительно захотелось, чтобы следующие три недели не закончились катастрофой.

Разумеется, именно тогда в гостиной раздался женский голос:

— Марк? Неужели ты всё-таки приехал?

На пороге стояла высокая блондинка в светлом брючном костюме. Она посмотрела на него, потом на меня. Улыбка у неё осталась, но стала совсем другой.

— А это, надо полагать, Алиса.

Марк замер у меня за спиной.

— Катя, — сказал он.

Осталось выяснить, какие ещё сюрпризы Марк забыл включить в программу вечера.

Глава 5. Женщина из прошлого

Катя смотрела на меня так, как смотрят на человека, который занял твоё место в очереди, а потом выяснил, что очередь была на эвакуацию.

— Здравствуй, — сказала она Марку. — Елена Викторовна уверяла, что ты не приедешь.

— Я сказал, что приеду позже.

— Значит, мама опять слышит только ту часть фразы, которая ей нравится.

Елена Викторовна вышла из столовой с полотенцем в руках.

— Катюша, ты уже познакомилась с Алисой? — спросила она, не замечая, как Марк напрягся.

— Мы как раз начали.

Я протянула руку.

— Алиса Крылова.

— Екатерина Белова. Катя, если не собираетесь судиться со мной.

У неё было крепкое рукопожатие и очень холодные пальцы. Блондинка оказалась красивой без той утомительной безупречности, которую я заранее ей приписала. Под глазами лежали следы усталости, а у воротника пиджака торчала нитка. Почему-то последнее меня успокоило.

— Судиться я пока собираюсь только с одним человеком, — ответила я.

Марк резко посмотрел на меня. Вряд ли он ожидал такой подробности в первые тридцать секунд знакомства.

— Как удачно, — сказала Катя. — У меня тоже есть кандидат.

— Девочки, — вмешалась Елена Викторовна, — сначала есть. Потом можете обменяться списками врагов.

В столовой стоял длинный стол, накрытый для шести человек, хотя нас было четверо. За окном сохли после дождя ветви сирени. В центре стола, рядом с тарелкой пирожков, возвышался фарфоровый карп. Я покосилась на Марка.

— Рыба, которая смотрела маме в глаза, — шепнул он.

— Ты умеешь предупреждать об опасности, — шепнула я в ответ.

Он чуть улыбнулся. И тут же убрал улыбку, когда Катя села напротив нас.

Елена Викторовна разливала суп, болтала о юбилее, жаловалась, что Полина хочет устроить для гостей цветочную арку из пионов, а флорист считает это бессмысленной тратой денег. Я поймала себя на привычном желании спросить бюджет и список подрядчиков. Работа была чем-то надёжным: с людьми всё сложно, а с аркой хотя бы понятно, где проблема.

— Алиса, вы будете на моём юбилее? — спросила хозяйка.

— Да, конечно.

— Надеюсь, не в качестве организатора. Марк уже обещал, что вы хотя бы один вечер не станете работать.

— Я ничего такого не обещал, — возразил он.

— Ты сказал: «Мама, не поручай Алисе ничего, у неё и без того дел хватает». В твоём исполнении это почти клятва.

— Вы всё-таки присмотритесь к сыну, — сказала я. — Вдруг способен на человеческие чувства.

Катя опустила ложку. Не резко. Просто перестала есть.

— Он способен, — произнесла она. — Вопрос в том, когда вспоминает об этой возможности.

Елена Викторовна подняла глаза, и по её лицу прошло что-то знакомое: женщина услышала треск стекла и сделала вид, что это в соседней комнате.

— Катюша, как фонд? — спросила она.

— У нас наконец согласовали программу стажировок. К осени должны открыть пять мест для ребят после интерната.

Я повернулась к Кате. Теперь стало понятно, почему она здесь: не для сцены ревности, а потому что годами работала с этой семьёй. Её не вычеркнешь из жизни так же просто, как номер телефона из избранного.

— Это здорово, — сказала я. — Мы делали благотворительные мероприятия для выпускников детских домов. Самой сложной частью оказался не сбор денег, а нормальная работа с работодателями после пресс-релиза.

— Именно. Все любят вручать сертификаты на сцене. Потом выясняется, что никому не хочется брать на стажировку девятнадцатилетнего парня без опыта.

— А у него ещё и собеседование в офисе, где слово «адаптация» понимают как «пусть сам разберётся».

Катя посмотрела на меня иначе. Впервые за ужин ей было интересно то, что я говорю, а не то, что я делаю рядом с Марком.

Мы поговорили о стажировках, о странных спонсорских требованиях, о том, сколько сил уходит на невидимую часть чужого благополучия. Марк молчал, и я не сразу заметила, что слушает он внимательно. Елена Викторовна тоже не вмешивалась, только подливала чай.

Когда мы перешли в гостиную, хозяйка достала старый альбом. На первых фотографиях Марк выглядел мальчиком с сурово сдвинутыми бровями, будто его в семь лет назначили начальником строительства. На одной он стоял в школьной форме рядом с сестрой, у которой было выбито два передних зуба. На другой держал огромную собаку, едва не перевешивавшую его.

— Он когда-нибудь просто радовался? — спросила я.

— Конечно, — сказала Елена Викторовна. — Один раз, когда Полина перестала пользоваться его зубной щёткой.

Марк забрал альбом.

— Мама, тебе семьдесят через неделю. Не трать всё компрометирующее заранее.

Я рассмеялась, а потом заметила на следующей странице фотографию: Марк и Катя на летней веранде. Он обнимал её за плечи, она смотрела на него снизу вверх. Оба были счастливы настолько явно, что я почувствовала себя чужой даже внутри чужой роли.

Катя заметила мой взгляд.

— Это было пять лет назад, — сказала она.

— Красивый день, — ответила я. — Вы его здесь каждый год показываете?

Я сама услышала, насколько это было мелочно. Хотелось поймать собственные слова за воротник и засунуть обратно. Катя медленно повернула ко мне голову.

— Нет, — сказала она. — Обычно только в дни, когда никто не спрашивает моего разрешения.

— Извините. Это было некрасиво.

— Было, — согласилась она. И только тогда снова посмотрела на фотографию.

— Тогда мы ещё думали, что умеем планировать жизнь.

Марк закрыл альбом.

— Катя, пожалуйста.

Она посмотрела на него.

— Я ничего плохого не сказала.

— И правда, — вмешалась я. — Это вы выглядите так, будто боитесь фотографий.

За моей спиной Елена Викторовна кашлянула. Через минуту она попросила Марка помочь найти коробку с бокалами на верхней полке кладовой. Слишком очевидный предлог. Даже они понимали, что оставлять нас наедине рискованно.

Мы остались у окна. Во дворе с крыши капала вода в металлическую бочку.

— Вы знали, что я буду сегодня? — спросила Катя.

— Мне сообщили об этой возможности за пять минут до приезда.

— Очень в его духе.

Я держала ладони на спинке кресла. Катя смотрела не на меня, а на старую фотографию под стеклом.

— Мы семь лет были вместе, — сказала она. — Из них последние два обсуждали свадьбу с такой серьёзностью, будто собирались не расписываться, а строить мост через реку.

— Почему не построили?

Она усмехнулась.

— Спросите у него. Это полезнее, чем моя версия.

— У меня нет права лезть в ваше прошлое.

— Странно звучит от женщины, которая собирается стать его женой.

Я почувствовала, как неприятно стало под ключицами. На секунду захотелось выложить всё: контракт, сумму, срок, даже дурацкий пункт о добровольном согласии на прикосновения. Катя бы наверняка оценила иронию.

— Я предпочитаю узнавать человека по тому, как он обращается со мной сейчас, — сказала я.

— Разумно. Только у Марка есть привычка считать, что молчание не ложь.

Она произнесла это без злости. И поэтому я поверила.

— Спасибо за предупреждение.

— Я не предупреждаю. Просто говорю, что вижу. Удачи вам, Алиса.

Катя подошла к двери, но обернулась.

— И ещё. Елена Викторовна не знает подробностей нашего расставания. Не позволяйте ему делать вид, будто это мать вынудила его врать.

Она вышла, оставив меня с очень неудобным знанием.

Дорога назад заняла сорок минут. Марк включил радио, выключил, потом попросил водителя впереди пропустить машину и выругался себе под нос так тихо, будто ругательства у него тоже проходили согласование.

— Катя сказала, что вы молчите, когда надо говорить, — произнесла я.

Он не посмотрел на меня.

— У неё есть основания так считать.

— Я заметила. И когда вы собирались рассказать мне, что ваша мать до сих пор хранит фотографию вашей помолвки?

— Она хранит всё. Даже мои школьные грамоты за участие.

— Марк.

— Не собирался. Не видел в этом необходимости.

— Значит, мы возвращаемся к началу. Вы сами решаете, что для меня важно знать.

Он остановил машину у обочины рядом с пустым сквером. Фонарь освещал мокрую кору деревьев.

— Я не хотел, чтобы вы чувствовали себя выставленной на обозрение, — сказал он.

— А получилось ровно это. Только ещё и без возможности подготовиться.

— Вы справились.

— Не надо, — оборвала я. — Я вам не собака, которой дают печенье после команды «сидеть».

Марк выключил двигатель. Полминуты было слышно, как тикают поворотники у стоящей позади машины.

— Вы правы, — сказал он. — Я хотел избежать неловкого разговора. Из-за этого неловкий разговор достался вам.

— А Кате?

Он скривился.

— Катя не обязана участвовать в моих попытках всё контролировать.

— Но участвует. Видела ваше лицо, когда она вошла?

— Видел.

— И что?

Он повернулся ко мне.

— Мне было стыдно. Не за неё. За себя. Достаточно честно?

Я не ответила сразу. У него на ладонях, лежавших на руле, выступили белые косточки. Он действительно нервничал, хотя мог бы позволить себе роскошь сделать вид, что неприятного ужина просто не было.

— Пока достаточно, — сказала я. — Но больше никаких сюрпризов из прошлого. Не приедет ли к юбилею ещё одна невеста? Соседняя страна? Тайный ребёнок?

— Нет.

— Отвечаете слишком быстро.

— Есть тётя Вера. Она хуже двух невест.

Я вздохнула.

— Почему вы не начали с неё?

В этот раз он рассмеялся без всякого усилия. Не долго. Но я успела заметить, как меняется его лицо, когда он перестаёт держать себя за горло.

— Алиса, — сказал он, — я действительно испортил вам вечер.

— Вечер мне испортил не ужин. А то, что я полчаса думала, какую правду вы ещё оставили у себя в кармане.

Я открыла дверь. Он успел выйти первым, обойти машину и остановиться, не пытаясь меня задержать.

— Я могу завтра позвонить? — спросил он.

— По делу.

— По делу.

В своём подъезде я долго пыталась попасть ключом в замок. Дурацкие руки дрожали. Я сердилась не на Катю и даже не на Марка. Меня пугало, что к чужому обману я опять начала привыкать слишком быстро. Как будто неприятность становится безопаснее, если рядом человек, который красиво произносит слово «простите».

Дома я поставила чайник, который закипал дольше, чем длилась наша помолвка с Денисом после того, как мы выбрали дату свадьбы. Телефон завибрировал.

«Вы не обязаны отвечать. Но я доехал домой и хотел убедиться, что вы тоже». От Марка.

Я написала: «Дома. Заказала себе пиццу. Без вашего согласования».

«Это грубое нарушение протокола».

Я смотрела на сообщение, пока чайник не выключился сам. Потом убрала телефон экраном вниз. Улыбка так и осталась на лице, и я на неё разозлилась.

Глава 6. Не спасайте мой бизнес

Утром Оля встретила меня со списком платежей и выражением лица, которое обычно бывает у врачей перед фразой «надо поговорить».

— Я звонила в «СветоЛаб», — сказала она. — Если до понедельника не перечислим хотя бы половину, они не дадут оборудование на корпоратив «Вектора».

— Сколько нужно?

— Девятьсот двадцать тысяч. С арендой и авансами людям — миллион сто.

Я положила сумку, достала телефон и открыла банковское приложение. Первая часть оплаты от Воронцова пришла вчера поздно вечером. Цифры выглядели почти неправдоподобно: на одном счёте наконец хватало денег, чтобы спасти компанию, а на другом я по-прежнему оставалась той, кому бывший жених украл спокойный сон.

— Перечисляй, — сказала я.

Оля посмотрела на меня.

— Все?

— Те, что должны людям. И аренду. Остальное распределим по графику.

— Алиса, у тебя квартира в залоге по кредиту.

— Квартира не в залоге. Просто я продолжаю жить так, будто она скоро исчезнет. Это разные виды ужаса.

Она не улыбнулась.

— Ты уверена насчёт Воронцова?

— В каком смысле?

— Ты говоришь, что он платит за работу. А ведёт себя, как будто уже считает твою жизнь частью семейной программы.

— Я сама ещё пытаюсь установить правила эксплуатации.

Оля потрогала край столешницы. Потом вдруг сказала:

— Если бы ты не согласилась на эту сделку, мы бы закрылись?

Я видела, сколько ей стоит этот вопрос. Она за семь лет ни разу не спрашивала о собственной зарплате раньше, чем о гонораре флористам. После ухода Дениса помогала проверять банковские выписки, хотя понятия не имела, как устроен обман через фиктивные подрядные счета.

— Не знаю, — ответила я. — Но сегодня мы не закрываемся. И в понедельник тоже.

Она отвернулась к принтеру, который снова загорелся красным.

— Это хорошо, — сказала тихо. — А то у меня мама спрашивает, когда я начну работать в нормальном месте.

— Скажи ей, что у нас нормальное место. Ненормальные только клиенты.

— И руководительница, которая продаёт себя в аренду богатым родственникам.

— Руководительница не продаётся. Временно предоставляет ограниченный доступ к своим социальным навыкам.

Оля засмеялась. Я тоже. Потом она ушла отправлять платежи, а я осталась смотреть на фотографию одной из наших первых свадеб. Восемь столов в заброшенном пансионате, гирлянды, которые мы крепили сами, и невеста, смеявшаяся от счастья, потому что её отец успел вернуться с вахты. Тогда я думала, что самое трудное в бизнесе — научиться зарабатывать. Какой же прелестной дурой я была.

В одиннадцать пришло сообщение от Марка: «Хотел обсудить предстоящие мероприятия. Есть двадцать минут?»

Я ответила: «Есть пятнадцать. Потом у меня звонок поставщику».

Он приехал вовремя. Вчерашний разговор явно не сделал его любителем душевных излияний. На нём была простая тёмная рубашка, а в руках — пакет с кофе и булочками.

— У вас же есть кофемашина, — сказала я.

— У неё на дисплее написано, что ей плохо.

Я оглянулась. Кофемашина действительно показывала ошибку.

— Вы провели разведку?

— Я видел её позавчера. И запомнил.

— У вас опасная профессия. Вы замечаете вещи, которые другие предпочитают игнорировать.

Он поставил стаканчик передо мной. Без крышки и сахара. Ровно так, как я пила.

— Я привёз план юбилея, — сказал он. — Мама хочет камерный вечер, но тётя Вера пригласила ещё сорок человек. Я могу поручить организацию вашему агентству.

Я подняла голову.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это будет выглядеть так, будто вы под видом личного договора наняли меня на ещё одну работу. Мы не отделим мои решения от ваших денег. И если что-то пойдёт не так, я окажусь виноватой сразу как женщина и как подрядчик.

— Вам нужны клиенты. А мне нужен хороший организатор.

— Вы сейчас предсказуемо придёте к фразе «я хотел помочь»?

Он остановился. Медленно поставил папку на стол.

— Да. Именно к ней.

— Тогда давайте сэкономим время. Мне нужна работа по рыночной цене и с нормальным конкурсом, а не подарок от человека, с которым я заключила сомнительный договор. Мы можем потом спорить о том, какой цвет скатертей нравится вашей тёте, но только как отдельные стороны контракта.

Марк задумался.

— Значит, я должен передать задачу закупочному отделу, получить от них требования, дать вам право подать предложение наравне с остальными?

— И отстраниться от выбора.

— Мама наверняка выберет вас.

— Тогда вы будете вынуждены пережить такую несправедливость.

Он усмехнулся.

— Я не очень хорош в отстранении.

— Знаю. Зато в оплате счетов, судя по всему, выдающийся специалист.

В этот момент в дверях появилась Оля, посмотрела на нас и мгновенно исчезла. Через секунду просунула голову обратно.

— Я только за флористами, — произнесла она. — Ничего не слышала.

— Оль, — сказала я, — ты ещё не сходила за флористами. Они сидят в переговорной.

— Вот именно. Вот к ним и иду.

Марк дождался, пока дверь закроется.

— Должен сказать ещё одно, — произнёс он.

В животе неприятно сжалось. В моей жизни эти слова обычно открывали плохие новости.

— Неужели третья невеста?

— Нет. Я проверял не только открытую информацию о вашем агентстве.

Я молчала.

Он продолжил:

— В нашей компании работал подрядчик, связанный с фирмой, на которую переводились деньги. Я видел фамилию вашего бывшего партнёра в справке службы безопасности.

Стаканчик стал горячим даже через картонный держатель.

— И когда вы собирались сказать?

— Сегодня. После вчерашнего разговора понял, что должен был раньше.

— Вы знали про Дениса ещё до знакомства со мной?

— Про спор по договорам — да. Не про ваши личные отношения. Эту связь выяснил позже.

Я посмотрела на него так, словно он снова привёз мне чужую невесту в багажнике.

— Вы понимаете, насколько это меняет дело?

— Понимаю.

— Нет. Думаю, не понимаете. Вы нашли женщину, которую обманули, изучили её уязвимость и предложили деньги. А теперь сообщаете, что в вашем бизнесе фигурирует компания людей, которых она пытается привлечь к ответственности.

— Я не связан с выводом ваших средств.

— Я спросила не об этом.

Он выпрямился.

— Да, я знаю, что это ставит под сомнение мои мотивы. Вы можете расторгнуть договор прямо сейчас. Я не стану требовать возврата уже выплаченной суммы за прошедшие дни.

Я посмотрела на его руки. Он держал их на столе раскрытыми. Привычка человека, который хочет показать, что не угрожает. Или умеет выглядеть таким.

— Мне нужны документы, — сказала я. — Не ваши объяснения.

— Я не могу передать внутренние материалы службы безопасности третьему лицу. Но могу направить адвокату перечень открытых сведений и официально разрешить вашему юристу запросить нашу документацию там, где она относится к вашему делу.

— Кто решает, что относится?

— Юристы. В том числе ваши.

Я потёрла переносицу. На стене тикали часы. Через двенадцать минут меня ждали флористы; через сорок — подрядчик, которому мы задолжали; вечером я должна была выбрать платье для юбилея женщины, оказавшейся добрее родного отца Дениса.

— Марк, я не буду благодарить вас за то, что вы наконец сообщили правду.

— И не надо.

— И не воспринимайте моё решение продолжать контракт как знак, что вам всё прощено. У меня сотрудники, долги и двадцать один способ испортить себе жизнь. Вы пока только один из них.

— Я согласен.

— Вы могли бы хотя бы возмутиться.

— Могу. Если это поможет.

Я поставила остывший кофе рядом с папкой.

— Не надо. Просто уходите. У меня работа.

Он поднялся. На пороге остановился и обернулся.

— Алиса. Я искал человека, которому можно доверить сложную роль. Я понимаю, что сам пока не дал вам оснований доверять мне. Это моя проблема, не ваша.

Дверь закрылась.

Я долго сидела, глядя в окно. Потом позвонила Лере и попросила назначить встречу на вечер. Судя по её молчанию, она уже начинала любить этот роман так же сильно, как я.

Глава 7. Неподходящий человек

На даче Воронцовых я оказалась в субботу к пяти вечера. Елена Викторовна настойчиво попросила приехать заранее, чтобы выбрать музыку к юбилею. Это звучало безопаснее, чем очередной семейный ужин, поэтому я согласилась.

Полина встретила меня у калитки с платьем в пакете и телефоном у уха.

— Если он ещё раз скажет слово «концепция», я приглашу на свадьбу только тех, кто согласен есть стоя! — кричала она неизвестному собеседнику. Увидев меня, тут же отключилась. — Алиса! Спаси человека.

— Платье в порядке? — спросила я.

— Платье прекрасное. Свадьба ужасная. Артём говорит, что для фотографий лучше арка в белых тонах, мама — что гостей нельзя заставлять идти по гравию, а организатор считает, что любой вопрос о музыке «вне рамок утверждённого бюджета».

— Дыши. Теперь по очереди.

Полина прошла со мной по саду, не прекращая жаловаться. Она была хороша в этом: выдавала жалобы с такой скоростью, что между ними можно было разве что вдохнуть.

У парадного входа стоял Марк. Рубашка с закатанными рукавами, открытая папка, телефон. Он разговаривал с кем-то о расписании подрядчиков, при этом одной рукой придерживал доску, которую рабочий пытался установить у лестницы.

— Подождите, — сказал он в трубку. — Там торчит гвоздь. Кто-нибудь из гостей порвёт платье.

Я остановилась. Не из-за гвоздя. Из-за того, что Марк увидел его, хотя вокруг происходила целая маленькая стройка.

Он убрал телефон.

— Вы приехали.

— Как видите. Меня заманили музыкой, а встретили угрозой массового побега со свадьбы.

— Полина преувеличивает.

— Полина, — сказала сестра, — стоит здесь и всё слышит.

Елена Викторовна увела её в дом, а мы остались у лестницы.

— Вы сердитесь, — сказал Марк.

— Надо же. Неужели так заметно?

— После вчерашнего я ожидал, что вы не приедете.

— После вчерашнего я ожидала, что вы не станете строить догадки за меня. Но жизнь любит нарушать ожидания.

Он принял удар без попытки защититься.

— Лера получила запрос? — спросил он.

— Да. Она сказала, что наконец видит смысл в своём дипломе. Ей надоело разбираться в бывших женихах и фальшивых невестах.

— Я рад, что кто-то получает удовольствие.

— Не обольщайтесь. Вас она ещё не видела.

Марк отвёл меня на веранду, где на маленьком столике лежала программа юбилея. Мы обсуждали музыку: Елена Викторовна хотела старые романсы, Полина — джаз, тётя Вера — «что-нибудь, чтобы люди не засыпали». Марк уверял, что можно найти компромисс. Я предложила разделить вечер на две части и дать матери право выбрать первые три композиции без голосования родственников.

— Вам стоило руководить переговорами в нашей компании, — заметил он.

— Нет, спасибо. Я люблю людей, пока они не начинают говорить «оптимизация ресурсов».

— Мы тоже так говорим.

— Я заметила по договору.

Он улыбнулся и вдруг спросил:

— Вы когда-нибудь были замужем?

Я посмотрела на него.

— Пункт о прошлом.

— Да. Извините.

— Нет, — сказала я после паузы. — Не была. Собиралась. Потом передумали. Оба, только в разное время.

Марк опустил глаза на программу. Я не знала, зачем ответила. Может быть, устала от того, что мои прежние решения теперь выглядели в чужих документах как финансовые ошибки.

— Я тоже собирался, — сказал он.

— Это я уже поняла по фотографиям.

— Катя хотела, чтобы мы уехали хотя бы на полгода. Без работы. Просто пожили где-нибудь, где меня не знают.

— И вы отказались.

— Я сказал, что не могу. Через месяц умер отец. Потом я взял на себя компанию. Мы ещё год пытались разговаривать о свадьбе, но каждый разговор заканчивался тем, что я переносил его на следующий квартал.

— Кварталы удобны. Их всегда будет ещё один.

Он не стал спорить.

— Она собрала вещи в день, когда я пропустил её защиту диссертации, — продолжил Марк. — Я обещал приехать. Мне позвонили за час до начала, сказали, что на объекте авария. Я поехал туда.

— Авария была серьёзной?

— Да. Один человек пострадал.

Я молчала. Разве можно обвинять мужчину, который выбрал жизнь сотрудника вместо праздника любимой? И в то же время Катя имела право устать от того, что каждый её важный день проигрывал чужой срочности.

— Вы могли предупредить её заранее, — сказала я.

— Мог. Но думал, что всё ещё успею. Я всегда так думаю.

В саду резко запахло дождём. Туча над деревьями почернела, хотя полчаса назад солнце держалось над крышами.

— Вы в итоге приехали? — спросила я.

— Когда всё закончилось. Она уже уехала из университета. Я привёз цветы. Она сказала, что цветы пахнут больничным коридором.

На веранду выбежала Полина.

— Крыша! — закричала она.

Мы оба вскочили. Над летней площадкой, где собирались разместить часть гостей юбилея, порвался тент. Вода хлынула на столы. Рабочие бросились к креплениям, кто-то схватился за электрический кабель.

Марк побежал первым. Я поймала за рукав Полину и приказала выключить подачу электричества к площадке. Она кинулась в дом. Пока Марк с рабочими удерживал край полотна, я помогала убирать стеклянные подсвечники и дорогие скатерти в сухую комнату.

— Алиса, не подходите! — крикнул Марк, когда крепление затрещало.

Я отступила ровно на шаг. Он не пытался управлять мной — предупреждал об опасности. Это была редкая для него форма приказа, с которой я не спорила.

Через десять минут всё закончилось. Тент сложили, оборудование отключили, никто не пострадал. Марк стоял под карнизом мокрый до нитки, с разбитой костяшкой пальца. На руке выступала кровь.

— Покажите, — сказала я.

— Ничего страшного.

— Мужчины, которые говорят «ничего страшного», обычно потом падают в обморок на глазах у медиков.

— Не планировал.

— Жизнь любит вмешиваться в ваши планы.

Я достала из сумки маленькую аптечку. Организатор мероприятий, который не носит с собой антисептик и пластырь, рано или поздно проводит корпоратив в травмпункте.

Марк протянул руку. Я осторожно обработала ссадину. Он не двигался.

— Больно? — спросила я.

— Нет.

— Врёте.

— Немного.

— Уже прогресс.

Его пальцы были тёплыми, кожа на ладони шероховатой. Неожиданно для меня самой захотелось провести по линии между большим и указательным пальцем, где виднелся старый шрам. Я отпустила руку слишком быстро.

Марк посмотрел на пластырь, потом на меня.

— Спасибо.

— Счёт выставлю отдельно.

— Не сомневаюсь.

Он стоял близко. Не нарушая границ. Просто слишком близко для человека, которого я наняла как собственную проблему на двадцать один день.

— Алиса, — сказал он, — я не умею делать это правильно.

— Что именно?

— Не управлять всем подряд. Не считать, что лучше знаю, как будет безопаснее.

Я убрала аптечку в сумку.

— Тогда пробуйте. У вас, кажется, неплохие данные для обучения.

Из дома позвали к ужину. Марк не сдвинулся с места.

— И я не знаю, что делать с тем, что мне нравится, когда вы рядом.

Слова прозвучали совсем негромко. Дождь продолжал капать с крыши, на дорожке лежал оторванный кусок тента. Я услышала собственное дыхание.

— Мне не платят за такие признания, — сказала я.

— Знаю.

— И я не обещала ничего, кроме роли.

— Знаю.

Он на секунду посмотрел на мои губы. Потом отступил и открыл дверь в дом.

Я прошла мимо, не глядя на него. В зеркале у входа увидела себя: мокрые волосы, капля дождя на шее, совершенно неподходящий к ситуации румянец.

Это было плохо. Очень плохо.

Потому что я точно знала, сколько денег мне заплатят за эти три недели. А вот цену следующего шага пока не представляла.

В понедельник Лера сообщила, что ей нужны ещё два дня.

— Для чего? — спросила я.

— Для того, чтобы не прислать тебе красивый документ, который потом развалится в суде от первого вопроса. У меня есть реквизиты двух счетов. Один связан с фирмой двоюродного брата Дениса. Второй встречается в материалах по поставкам для «Северных линий».

Я ходила по офису с телефоном у уха. Оля за стеклянной перегородкой объясняла подрядчику, почему дым-машина не может считаться «аналогом» системы подачи тумана для сцены. У нас полжизни уходило на то, чтобы люди не путали вещи, которые звучат похоже.

— Марк говорил, что компания его холдинга работала с ними, — ответила я.

— Он сказал правду, но не всю. Не спеши делать выводы. Даже если поставщик работал с обеими компаниями, это ещё не доказывает участие Марка в твоих потерях.

— Когда ты успела стать его адвокатом?

— Когда ты успела назначить его виновным?

Я остановилась посреди офиса. Ненавижу, когда люди возвращают мне мои собственные аргументы.

— Я хочу знать, что он видел в справке службы безопасности, — сказала я.

— И узнаешь. Но официальный запрос не равен волшебной палочке. У нас есть закон, бумажный документооборот и человек по имени Денис, который умеет пользоваться обоими.

После разговора я пять минут стояла перед окном. Потом открыла папку с текущими заказами. У «Вектора» оставалось три дня до корпоративного выезда. Предоплаты поставщикам ушли, деньги от заказчика должны были прийти завтра. В нормальной жизни это называлось рабочим процессом. В моей — небольшим чудом финансовой выживаемости.

На стол упала тень.

— Ты ела сегодня? — спросила Оля.

— Кофе считается?

— Только если твоя цель — умереть в красивом костюме.

Она поставила передо мной пластиковый контейнер с гречкой и курицей.

— Это твоё?

— Моё. Половину отдам. Только, пожалуйста, перестань открывать банковское приложение каждые семь минут. У меня ощущение, что ты проверяешь пульс у нашей фирмы.

Я взяла вилку.

— А если у неё его нет?

— Тогда не поможет и седьмая проверка.

Вот за что я любила Олю: она умела говорить правду так, что после неё хотелось съесть гречку, а не прыгнуть в окно.

Вечером Марк прислал адрес небольшого ресторана. «Без родственников. Хотел бы извиниться за пятницу. Ужин не включён в договор. Можете отказать».

Я смотрела на экран, пока не пришло второе сообщение: «И никаких обсуждений ваших долгов. Обещаю».

Ответила: «Не могу. У меня работа».

«Хорошо».

Ни обиды. Ни вопроса «насколько поздно». Я засунула телефон в карман и зачем-то проверила, не написал ли он ещё.

В половине девятого в офисе остались я и Оля. Мы сидели на полу у принтера и собирали папки для «Вектора». Оля обвела маркером слово «алкоголь» в списке запретов на площадке.

— Всё равно кто-нибудь принесёт, — сказала она.

— Тогда поставим отдельный пункт: «Пожалуйста, не пытайтесь уговорить пожарного инспектора, что бутылка виски — это элемент декора».

— Ты сегодня в хорошем настроении.

— Я в хорошем раздражении. Не путай.

Она поджала ноги.

— Тебе понравился этот Марк?

— Мне понравилось, что он оплатил работу вовремя.

— Алиса.

— Оля.

— Сколько лет мы дружим?

— Достаточно, чтобы ты перестала задавать вопросы, на которые знаешь ответ.

Она протянула мне папку.

— Мне просто не хочется, чтобы ты снова полгода убеждала себя, что всё хорошо, пока кто-то решает за тебя.

Я опустила голову. На дешёвом офисном ковролине кто-то когда-то пролил вино. Пятно мы закрывали тумбой; сегодня тумбу отодвинули, и оно снова оказалось на виду.

— А мне не хочется, чтобы ты спасала меня от мужчины, с которым я пока даже не встречаюсь, — сказала я.

— Ладно. Тогда просто не обманывай себя, что он тебе безразличен.

Когда Оля ушла, я достала телефон. Марк не писал. Я набрала: «Ресторан всё ещё открыт?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Да. Но я уже уехал. Могу приехать туда, где вам удобно».

Я представила, как он сидит один за столиком в красивом ресторане, а потом едет домой, потому что женщина с маленьким агентством решила, что сегодняшний вечер принадлежит папкам.

«Не надо. У меня в офисе остались бутерброды и человек с плохим настроением».

«Это приглашение?»

«Это предупреждение».

Через двадцать пять минут он вошёл в офис. Без цветов, без шампанского и без запаха дорогого одеколона, который обычно оставался в помещении после переговоров с инвесторами. В руках у него был пакет из круглосуточной пекарни.

— Вы обещали не обсуждать мои долги, — сказала я вместо приветствия.

— Я принёс пирог. Его можно обсуждать?

— Зависит от качества.

Мы устроились на маленькой кухне. Я вытащила из холодильника два стакана, Марк разрезал пирог одноразовым ножом. На часах было почти десять.

— Вы часто заканчиваете так поздно? — спросил он.

— Когда бизнес выбирает между ростом и похоронами, режим сна становится спорным вопросом.

Он кивнул. Не стал рассказывать, что у него тоже трудные времена. Я за это была благодарна.

— Почему вы согласились приехать? — спросила я.

— Вы написали, что у вас плохое настроение.

— Это не приглашение к подвигу.

— Я не собираюсь совершать подвиг. Хотел поесть пирог с женщиной, которая меня регулярно ругает.

— Специфический вкус.

— Согласен.

Он потянулся за салфеткой, рукав рубашки задрался, и я увидела пластырь на костяшке пальца. Тот самый, субботний.

— Вы его до сих пор носите?

— Рана заживает. Не вижу причины менять.

— Причина называется гигиена.

Он посмотрел на руку, потом на меня. Расстегнул пластырь и аккуратно свернул.

— У меня есть ещё один вопрос, — сказал он.

— Если это личное, вас ждёт штраф.

— Вы очень быстро чувствуете, когда кто-то пытается вам помочь. Почему?

Я положила вилку. Пирог был с грибами, слишком солёный, но от него пахло тестом и горячим маслом, как в детстве на вокзале.

— Потому что у меня был человек, который говорил «я обо всём позабочусь», а потом я искала, куда делась выручка.

— Понимаю.

— Нет, — сказала я, — не понимаете. И не надо. У вас своя история.

Он не обиделся.

— Свою я тоже не всегда понимаю.

Я посмотрела на него. Он ел пирог медленно, аккуратно, с совершенно нелепой серьёзностью. Настолько не похожий на человека, который может в девять вечера сорваться с места из-за одного сообщения.

— Что вам нравится, кроме работы? — спросила я.

Марк задумался.

— Сейчас? Не знаю.

— Господи, какой запущенный случай.

— Раньше нравилось плавать. Сестра заставляла играть в теннис, но я терпеть не мог.

— Почему же играли?

— Она всегда выигрывала. Не хотел лишать её удовольствия.

— Так вы, оказывается, умеете быть щедрым.

— Редко и по расписанию.

Я рассмеялась. Он тоже. Потом мы сидели молча, и молчание было странно удобным. Ни один из нас не делал вид, что всё понимает о другом.

Перед уходом Марк задержался у двери.

— Алиса, — сказал он, — я хотел спросить о субботе. О том, что сказал на веранде.

Я почувствовала, как тепло поднимается к лицу.

— Вы сказали много всего. Кажется, даже пару полезных слов.

— Я не собираюсь заставлять вас отвечать.

— Тогда не спрашивайте.

Он кивнул. Надел пиджак и вышел.

Я стояла у двери, пока лифт не увёз его вниз. Потом вернулась на кухню. На столе остался кусок пирога, завернутый в бумагу, и записка на обратной стороне чека: «На завтрак. Гигиенические требования к пластырям учёл».

Я засмеялась. Потом села на подоконник и съела половину, хотя было уже почти одиннадцать и приличные женщины, если верить журналам, после восьми не едят. Хорошо, что я никогда не была особенно приличной.

Глава 8. Юбилей без репетиции

За неделю до юбилея Елена Викторовна рассорилась с тётей Верой из-за списка гостей. За четыре дня — с Полиной из-за меню. За два — с Марком, потому что он купил ей в подарок загородный участок, хотя она просила старый альбом с фотографиями мужа.

В четверг мы наконец провели выездной корпоратив «Вектора». Перед началом сломался проектор, ведущий перепутал фамилию директора, а водитель автобуса забыл, что сотрудников надо везти не к главному входу, а к отдельной площадке. Мы с Олей справились без чьих-либо спасительных миллионов. К вечеру заказчик подписал акт без замечаний, и я впервые за долгое время вышла с мероприятия не раздавленная, а просто усталая.

— Ты улыбаешься, — сказала Оля, когда мы грузили в машину последнюю коробку с лентами.

— Это нервный тик.

— Если нервный тик помогает закрывать договоры, я за.

Про альбом мне рассказала сама именинница по телефону.

— Понимаешь, Алиса, он всё время пытается дать человеку больше, чем тот попросил. А потом страшно удивляется, что человек недоволен.

— Я заметила за ним эту особенность.

— Ты только не передавай, что я жаловалась. Он расстроится.

— Елена Викторовна, я не передаю жалобы. Я собираю компромат на случай семейного кризиса.

Она засмеялась, но тут же вздохнула.

— В прошлом году мы отметили день рождения тихо. Я, дети, два соседа. В этот раз Полина хочет большой вечер, будто я собираюсь уйти на пенсию из собственной жизни.

— А вы чего хотите?

— Чтобы все сели за один стол. Без соревнования, кто лучше обо мне позаботился.

Я посмотрела на два листа программы юбилея. Один составили организаторы, нанятые Верой Павловной: дорогой, шумный, с ведущим, который трижды за вечер должен был объявить о «легендарной семье Воронцовых». Второй, написанный от руки Еленой Викторовной, состоял из пяти пунктов: «поесть», «послушать детей», «потанцевать», «посмотреть фотографии», «не переутомиться».

— Знаете, я бы выбрала ваш вариант, — сказала я.

— Даже если придётся сказать моему сыну, что его план хуже?

— Это не самая страшная часть моей недели.

В пятницу мы приехали на юбилей вдвоём. Я надела платье тёмно-синего цвета, простое, с открытыми плечами и высоким разрезом сзади. В зеркале оно выглядело вполне прилично. А в лифте, когда Марк увидел меня, вдруг стало казаться, будто ткани меньше, чем обещала примерочная.

Он остановился. Посмотрел сначала в лицо, потом вниз, снова в лицо.

— Красивое платье, — сказал.

— Спасибо.

— Очень.

— Вы повторяетесь, Марк Андреевич.

— Я заметил.

От его голоса, неожиданно низкого и хриплого, меня бросило в жар. Я отвернулась к зеркалу лифта и стала поправлять серьгу, которая ни в какой поправке не нуждалась.

— Можно? — спросил он, протягивая руку.

— Что именно?

— У вас застёжка зацепилась за волосы.

Я кивнула. Его пальцы коснулись пряди возле шеи. Осторожно, почти невесомо. Ничего неприличного, кроме того, как глупо у меня перехватило дыхание. Он освободил серьгу и отступил.

— Всё.

— Спасибо.

Лифт открылся. Мы вышли в ярко освещённый холл ресторана, где нас уже ждали вспышки фотокамер, музыка и люди, которых Марк с выражением лица шахматиста называл родственниками.

Тётя Вера оказалась высокой женщиной с безупречной укладкой. На ней было платье такого оттенка шампанского, который, по мнению очень богатых людей, невозможно спутать с бежевым.

— Марк, дорогой, — произнесла она, целуя его в щёку, — наконец ты привёл Алисочку.

Алисочка. Мне захотелось срочно вернуть себе паспорт.

— Очень приятно, — сказала я.

— Наслышана. Хотя, признаться, долго не понимала, почему ты держал её в тайне.

Марк открыл рот, но я опередила его.

— Я работала. И до сих пор работаю. У вашего племянника довольно напряжённая конкуренция с чужими календарями.

Вера Павловна оглядела меня, оценивая платье, маникюр, серьги и, кажется, будущую стоимость приданого.

— Предпринимательница?

— Да.

— Как мило. А чем именно занимаетесь?

— Помогаю людям устраивать праздники без семейных войн.

Она замерла. Марк кашлянул, пряча улыбку.

— В таком случае вам сегодня будет чем заняться, — ответила тётя и ушла.

В зале оказалось куда больше гостей, чем предполагалось. Ведущий размахивал карточками, сотрудники ресторана спешили накрыть дополнительный стол, а пожилая женщина у сцены безуспешно пыталась объяснить звукорежиссёру, что микрофон пищит.

— Это солистка оркестра, где мама когда-то играла на скрипке, — сказал Марк.

— И её посадили рядом с колонкой. Удивительно тонкий жест.

Я подошла к звукорежиссёру. Потом к управляющему. Через десять минут колонку переставили, женщине принесли стул, а ведущий получил просьбу не кричать «бурные аплодисменты» после каждого имени. Я не была сегодня организатором. Просто у меня есть физическая непереносимость плохо продуманных мероприятий.

— Не надо работать, — сказал Марк, когда я вернулась к нему.

— Я не работаю. Я предотвращаю несчастные случаи.

— Я серьёзно.

— И я. Елена Викторовна не должна провести свой юбилей под звуки обратной связи.

Он посмотрел на меня и вдруг кивнул.

— Хорошо. Спасибо.

Я приподняла бровь. Раньше он наверняка начал бы объяснять, что здесь есть специально обученный персонал.

В начале вечера Елена Викторовна вышла в зал под руку с Полиной. На ней было простое светлое платье и тонкая серебряная брошь, которую, как я позже узнала, подарил муж ещё до свадьбы. Она села на своё место и сразу попросила убрать со сцены огромный баннер со своей фотографией.

— Господи, я и без него знаю, как выгляжу! — сказала в микрофон, когда ведущий попытался возразить.

Зал засмеялся. Марк облегчённо выдохнул. Я поймала его взгляд и улыбнулась. Он задержал его чуть дольше, чем положено людям, у которых всё понарошку.

На третьем тосте Вера Павловна принялась рассказывать о семейных традициях, а потом предложила Марку и его «замечательной невесте» выйти на танец. В зале зааплодировали. Полина показала мне из-за спины матери два поднятых больших пальца. Предательница.

Марк протянул руку.

— Можно?

— Мы и так здесь для этого, — шепнула я.

— Я спросил не поэтому.

Я вложила пальцы в его ладонь. Мы вышли на небольшую площадку под музыку, которую я не узнала. Медленная композиция с гитарой и виолончелью, совсем не свадебная. Марк осторожно положил руку мне на талию.

— Вы напряжены, — сказал он.

— У меня есть опыт организации свадеб. Танцы всегда заканчиваются чужими историями в семейном чате.

— Я могу отпустить.

— Если отпустите сейчас, они решат, что я вам отказала посреди танца.

— И что?

— И завтра ваша тётя отправит всем тридцати четырём родственникам сообщение о нашей драме.

— Значит, нельзя подводить тётю.

Я рассмеялась. Он придвинулся на полшага, сохранив между нами расстояние, на котором можно было говорить, не повышая голоса. Ладонь лежала на моей спине тёплая и тяжёлая. Я чувствовала запах его рубашки, слышала рядом ровное дыхание. За окнами ресторана поднимался июньский вечер, люди за столами постепенно перестали смотреть на нас, у них наконец появились собственные разговоры.

— Спасибо, — сказал Марк.

— Уже второй раз за день. Вы себя хорошо чувствуете?

— Я не помню, когда видел маму такой счастливой.

Я посмотрела в сторону Елены Викторовны. Она сидела рядом с Полиной и что-то говорила ей на ухо. Дочь смеялась, закрыв рот ладонью.

— Может, она просто счастлива, что вы перестали заказывать подарки размером с земельный участок.

— Откуда вы знаете про участок?

— Секретные источники.

Он покачал головой.

— Я обменял его на альбом.

— Что?

— Мама попросила. Я нашёл в архиве папку с фотографиями отца, заказал реставрацию снимков. Участок всё ещё у меня, если что. Но подарю его кому-нибудь другому.

— Например, Полине. Она устроит там свадьбу и уволит половину флористов.

— Умоляю, не подавайте идей.

Мы продолжали танцевать. Марк смотрел на меня без обычной деловой настороженности, и от этого было сложнее дышать, чем от его руки на талии.

— Зачем вы на самом деле пришли ко мне в агентство? — спросила я.

Он чуть нахмурился.

— Мы обсуждали это.

— Вы перечислили качества, которые прочитали в моей биографии. Это не ответ.

— Потому что помнил вас с того благотворительного вечера четыре года назад.

Я едва не остановилась.

— Что?

— Вы стояли возле сцены, у вас сломалась стойка для микрофона, а двое важных гостей орали на помощницу. Вы подняли стойку сами и сказали им, что если они хотят сделать доброе дело, могут начать с того, чтобы перестать мешать работать.

Я вспомнила. Гости действительно орали, стойка действительно сломалась. А Марк Воронцов был настолько незаметен для меня тогда, что я даже не поняла, кто стоял возле сцены.

— Вы это запомнили?

— Да. Вы не стали улыбаться людям, которые вели себя отвратительно. И при этом никого не унизили.

— Я была в ужасном настроении.

— Возможно. Но сделали свою работу.

Песня закончилась. Мы стояли посреди зала, и я вдруг осознала, что не помню последней минуты музыки. Марк наклонился ближе.

— Алиса, — сказал он почти неслышно, — можно тебя поцеловать?

Он впервые обратился ко мне на «ты». От этого слово прозвучало куда интимнее самого вопроса.

Гости вокруг уже переходили к следующему тосту. Никто на нас не смотрел. Я могла сказать «нет», отойти, объяснить всё договором. Он бы отпустил. Я знала это теперь достаточно хорошо.

— Здесь? — спросила я.

— Нет. Там, где не придётся делать вид, что это часть программы.

Я взяла его за руку и вывела из зала на небольшую террасу.

Там пахло мокрой листвой, откуда-то с дороги доносился звук мотоцикла. Марк прикрыл за нами дверь, и шум ресторана стал глухим.

— Ты уверен? — спросила я.

— Нет. Но хочу.

Я подошла ближе и положила ладонь ему на грудь. Сердце под рубашкой колотилось так, что я невольно улыбнулась.

— Что? — спросил Марк.

— Проверяю, есть ли у тебя пульс. А то ты весь вечер держался как памятник самому себе.

— Алиса, я весь вечер думаю, как бы тебя поцеловать. И половину вечера ругаю себя за это.

— Больше не ругай.

Он обнял меня за талию, но замер, поймав мой взгляд. Я сама ухватилась за ворот его рубашки.

— Ну же, Марк.

Он поцеловал меня так, будто у него наконец закончилось терпение. Я ответила сразу, едва не наступив ему на ногу. Серьга царапнула его щёку; он выругался, я фыркнула от смеха, но следом уткнулась в его плечо, пытаясь перевести дыхание. Марк коснулся моей щеки, убрал прядь волос за ухо и поцеловал снова. У меня подогнулись колени, и я прижалась к холодным перилам.

— Чёрт, — прошептал он, отстраняясь на пару сантиметров. — Я собирался вести себя прилично.

— Опоздал, — сказала я.

Марк отстранился первым. Лоб коснулся моего лба.

— Алиса…

— Если сейчас скажешь «это не должно было случиться», я тебя столкну с террасы.

Он коротко выдохнул, не открывая глаз.

— Я хотел сказать, что хочу ещё.

Я закрыла глаза. И поняла, что не могу позволить себе не ответить.

— Я тоже.

Мы стояли так несколько секунд, слыша, как за стеной поздравляют Елену Викторовну. Потом Марк сделал шаг назад.

— Но нам нужно вернуться, — сказал он.

— Проклятые родственники.

— У них контракт на этот вечер. Считай, у тебя конкуренты.

Я посмотрела на него и рассмеялась. Он взял мою руку и поцеловал пальцы. Жест получился старомодным и совершенно не в его характере.

Когда мы вернулись, Катя стояла возле выхода с бокалом воды. Она посмотрела сначала на моё лицо, потом на Марка. Ничего не сказала. Только улыбнулась так печально, что я мгновенно почувствовала себя виноватой, хотя не имела перед ней никаких обязательств.

Наверное, я могла бы оставить этот момент без объяснений. Но я уже слишком хорошо знала, как молчание превращается в чужую боль.

— Катя, — сказала я, остановившись рядом, — можно с вами поговорить позже?

Она кивнула.

— Можно. Только не сегодня. Сегодня у Елены Викторовны праздник.

И ушла в зал.

Глава 9. После поцелуя

На следующий день я проснулась в одиннадцать сорок пять и двадцать минут смотрела в потолок. Нормальные люди после семейного юбилея думают о том, сколько выпили, где оставили серьги и не выложил ли кто-нибудь неудачную фотографию. Я думала о том, как Марк Воронцов произнёс моё имя, когда целовал меня.

Телефон лежал рядом. На экране было одно сообщение от него, отправленное в девять утра: «Мама просила передать спасибо. Я тоже. Как ты?»

Он написал «ты». Ничего больше. Одно местоимение, а у меня настроение ведёт себя, будто меня пригласили на другую планету.

Я ответила: «Жива. Почти. Пожалуйста, предупредите вашу мать, что после её юбилея у меня болят ноги сильнее, чем после любого корпоратива».

Три точки появились сразу.

«Могу привезти кофе и хорошую обувь».

«Начните с кофе. Обувь выбираю сама».

«Принял к сведению».

Я бросила телефон на кровать. Через минуту подобрала. Сообщений не прибавилось. Прекрасное начало дня.

Через час он позвонил. Я сидела на кухне, завернувшись в халат, и пыталась вспомнить, когда в последний раз покупала яйца.

— Алиса, доброе утро.

— В юридическом смысле уже день.

— Тогда добрый день. Ты завтракала?

— Пока спорю с холодильником.

— Могу приехать.

— Марк, если ты и дальше будешь появляться каждый раз, когда у меня заканчиваются продукты, я начну подозревать договор с поставщиками.

Он засмеялся.

— Я хотел увидеть тебя. Без родственников. Можно?

В окне отражалась женщина с помятым лицом, растрёпанными волосами и пакетом с Денисовой курткой на заднем плане. Вчерашняя красавица с террасы явно ушла без меня.

— Приезжай через час, — сказала я. — Только без сюрпризов.

Он приехал через пятьдесят восемь минут. В простой футболке, джинсах, с бумажным пакетом из пекарни. Я открыла дверь и увидела в его глазах такой откровенный интерес к моему лицу, что немедленно пожалела о старом домашнем халате.

— Ты выглядишь… — начал он.

— Выбери слово осторожно.

— Настоящей.

Я посторонилась.

— Проходи. Только предупреждаю: здесь не одобрена ни одна дизайнерская концепция.

Он оглядел коридор. На полке лежали ключи, квитанции, старая резинка для волос, коробочка с серёжками без пары. У входа стояли три пары обуви, одна из которых явно была не моя.

Марк заметил пакет с мужской курткой. Не спросил. И почему-то именно это вызвало во мне странную нежность.

На кухне он разложил булочки, круассаны, ягоды, две маленькие баночки йогурта. Я поставила чайник.

— Ты всегда так закупаешься? — спросила я.

— Не знаю. Обычно этим занимается помощник.

— Как же ты пережил поездку в пекарню?

— Тяжело. Там женщина попросила меня назвать размер пакета. Я растерялся.

Мы смеялись. И смех получался настоящий, без напряжения от необходимости быть интересными друг другу. Но стоило нам замолчать, как между столом и дверью возникало вчерашнее. Поцелуй. Его руки. Моё собственное желание, от которого я не знала, куда деваться.

— Я всё думаю о вчерашнем, — сказал Марк.

— Какая неожиданность.

— И не хочу делать вид, будто это было исключительно для семьи.

Я поставила чашку на стол.

— Не было.

Он смотрел на меня. На кончике пальца у него осталась крошка от булочки. Такую нелепую деталь запоминаешь только тогда, когда очень боишься смотреть человеку в глаза.

— Я не знаю, как это совместить с договором, — сказал он.

— А я не знаю, как это совместить с тем, что ты уже дважды не рассказал мне важное.

Тишина наступила мгновенно. Он опустил взгляд на чашку.

— А чего ты хочешь? Чтобы я угадывал, когда молчать, а когда выкладывать всё на стол? — вдруг спросил он. Непривычно резко. Я смотрела на него и понимала, что сейчас мы оба можем испортить даже это нелепое утро с круассанами.

— Я хочу, чтобы ты не решал за меня, что мне положено знать, — ответила я. — И не разговаривал так, будто это сложнейшее требование в мире.

Марк провёл рукой по лицу. Впервые я видела, как он не знает, что делать со своими руками.

— Я умею извиняться, — сказал он. — Но плохо умею доказывать, что исправился.

— Так не доказывай речами. Не принимай решения за меня. И когда захочешь скрыть что-то «ради моего спокойствия», вспомни, чем это кончается.

Он кивнул. Потом посмотрел на пакет у двери.

— Это его куртка?

Я вздрогнула.

— Да.

— Хочешь, я…

— Нет.

— Я ещё ничего не предложил.

— Именно. Не предлагай. Я сама вызову курьера.

Марк поднял ладони.

— Хорошо.

Потом помолчал и добавил:

— Мне не нравится, что кто-то может приходить к тебе домой и заставлять бояться. Но я понимаю, что не имею права решать это вместо тебя.

Я опустила глаза. Не хотела рассказывать ему о Денисе, о той ладони, которой он придержал дверь, и о том, что потом я три раза проверяла замок. Однако фраза Марка была настолько непохожей на угрозы бывшего, что молчать стало трудно.

— Он приходил в четверг, — сказала я. — Не хотел уходить. Я попросила. Он ушёл. Всё закончилось нормально.

— Ты уверена?

— Марк.

— Я спрашиваю, а не проверяю.

— Я уверена. Лера в курсе. Сообщение сохранили.

Он кивнул, но лицо стало жёстким.

— Ты можешь попросить меня о чём угодно, — сказал он.

— Например, вынести мусор?

— Даже мусор.

— Тогда вынеси вот этот пакет. Там старые журналы. Его куртку не трогай.

Он встал и взял пакет. На секунду я представила, как этот человек со своим холдингом, миллионами и дорогими часами действительно несёт мусор из моей кухни. И мне вдруг стало смешно до слёз.

Когда он вернулся, я стояла у раковины и мыла чашки. Марк остановился в дверях.

— Алиса.

Я обернулась.

— Да?

— Можно я тебя обниму?

Я поставила чашку. Вытерла руки полотенцем. Подошла сама.

Объятие оказалось совсем другим, чем поцелуй на террасе. Ничего праздничного, никаких огней и музыки. Только его руки, тёплая футболка под щекой и тихий звук холодильника за спиной. Я закрыла глаза. Весь мир на минуту уменьшился до кухни с грязной чашкой и человеком, который не торопил меня.

Марк провёл ладонью по моим волосам.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Я замёрзла.

— В июне?

— В нашей квартире кондиционер считает себя антарктической экспедицией.

Он усмехнулся. Не отпустил, пока я сама не отстранилась.

— Слушай, — сказал он, чуть отступив, — я хочу тебя видеть. Без ужина для родственников, без фотографа, без твоего актового задания.

— Это у тебя приглашение или новая статья договора?

— Приглашение. И ещё… Когда ты открыла мне дверь, я еле удержался, чтобы не поцеловать тебя в прихожей. Не хотел, чтобы ты решила, будто я приехал за этим.

У меня от его прямоты пересохло во рту. Пекарня с круассанами вдруг показалась совершенно несущественной.

— А сейчас? — спросила я.

— Сейчас тоже хочу. И боюсь, что ты меня выставишь вместе с мусором.

Я шагнула ближе, пальцем поправила перекосившийся ворот его футболки.

— Я попросила вынести только журналы, Воронцов.

Он наклонился, я приподнялась на носки. Поцелуй вышел коротким: из комнаты зазвонил мой рабочий телефон. Марк тихо выругался. Я засмеялась и прислонилась лбом к его плечу.

— Завтра увидимся? — спросил он.

— Посмотрим, как ты себя поведёшь.

— Плохие новости. Я уже веду себя не лучшим образом.

— Зато честно.

Мы провели ещё час за разговорами о его детстве, моём институте и бессмысленных семейных привычках. Потом Марк уехал на рабочую встречу. Я вытерла стол, прибрала кухню и обнаружила, что он забыл бумажный стаканчик с кофе в прихожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.